

**КАК ЭТО
РАБОТАЕТ
В РОССИИ**

ЕКАТЕРИНА ПИГАЛЕВА

ДЕВОЧКИ ДЕЛАЮТ БИЗНЕС

ИЛИ

КАК ОТКРЫТЬ СВОЕ ДЕЛО
И НАЧАТЬ ЗАРАБАТЫВАТЬ

БОМБОРА™

Москва 2020

УДК 65.01
ББК 65.290-2
П32

Пигалева, Екатерина.

П32 Девочки делают бизнес. Или как открыть свое дело и начать зарабатывать / Екатерина Пигалева. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с. — (Бизнес. Как это работает в России).

ISBN 978-5-04-107841-6

Автор книги — молодая предпринимательница с миллионными оборотами, основатель сети студий эпиляции Sweet Epil Екатерина Пигалева. На своем опыте, и не только, она рассказывает принципиально важные вещи, которые помогут каждой девушке стать финансово состоятельной и счастливой бизнесвумен. Прочитав издание, вы сможете: найти свою нишу и придумать собственный интересный проект; собрать правильную команду и стать для нее лучшим лидером; начать зарабатывать и постоянно наращивать обороты и прибыль.

УДК 65.01
ББК 65.290-2

ISBN 978-5-04-107841-6

© Пигалева Е., текст, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПРОЛОГ

Девочка шла домой, опустив голову и загребая снег сапогами. Оранжевая шапка съехала набок, а помпон повис увядшим цветком. Сегодня она — Акела, и она промахнулась перед всем классом; зачитывая ее сочинение, учительница смотрела с недоумением, а одноклассники ликовали, что даже отличница может написать глупость.

Но ведь это несправедливо! Она пнула перекошенного оплывшего снеговика, и он рассыпался. «Да, ошибок нет, но сейчас важнее не как, а о чем. Содержание мне не нравится — странно, что отличница выбрала такую профессию», — вспомнились слова учительницы.

«Зато мне нравится», — подумала она, вскинула голову и понесла обиду домой, надеясь, что мама поймет и не будет ругать за тройку.

В квартире так пахло оладьями, что обида ненадолго забылась. Девочка разделась и побежала на кухню, где хлопотала мама, а на сковороде шипели пышные оладьи с румяными боками. Мама повернула голову:

— Как дела в школе?

Вспомнилось, что плохо, и плечи сами собой поникли, голова опустилась.

— За сочинение тройку поставили.

Мама вскинула бровь, отставила сковороду.

— Как же так? Где же ты ошиблась?

— Я не ошиблась. За грамотность у меня пятерка, а тройка за содержание. Тема была «выбор профессии», ей не понравилось, что я выбрала.

— За это нельзя снижать оценки, такая тройка не считается.

Девочке нравилось сочинение, ей хотелось поделиться обидой, пожаловаться на несправедливость, и она принесла тетрадь, раскрыла ее там, где под аккуратным текстом красовался трояк и угловатым почерком были написаны слова, которые не хотелось перечитывать, и протянула маме.

Сев на табурет, мама одной рукой подперла голову, вторую положила на стол рядом с тетрадью. Девочка замерла, глядя на нее, ловя отголоски чувств на ее лице. Брови поползли вверх, на лбу залегла морщинка — неужели и ей не нравится? Но почему?! Хорошо ведь написано, особенно там, где облака, сквозь которые летит самолет, сравниваются с кораллами.

Наконец мама прочла, захлопнула тетрадь небрежно, так она обычно прихлопывала муж.

— Дочь, неужели ты и правда хочешь стать стюардессой?

Учительский тон, внезапно появившийся в голосе мамы, не сулил ничего хорошего. Можно было схитрить, соврать, что это фантазия, но она решила настоять на своем:

— Очень! Мне понравилось летать в самолете, я буду летать по всему миру, видеть разные страны, разных людей...

— Присядь. Согласна, летать — романтично. Но ты будешь не только летать, но и прислуживать пьяным наглым людям. Ты будешь убирать грязную посуду. Тебя будут унижать, а ты должна будешь улыбаться и кивать, как болванчик. Ты не сможешь проявить свой талант, не сможешь достичь чего бы то ни было, это все равно что официант, но в самолете! — Мама покачала головой, раскрыла тетрадь и зачитала: — «Или парикмахером, чтобы делать людей красивыми и радостными». А это еще хуже: тебе придется ковыряться в грязных головах, выслушивать претензии глупых женщин... Ксения, пусть руками работают те, кто не способен мыслить, а ты умная девочка, ты заслуживаешь лучшего.

Ее слова гвоздями заколачивали путь к мечте.

Хорошая девочка должна была согласиться, поплакать и отказаться от мечты, но внутри Ксении словно проснулся чертенок. Она больше не желала быть хорошей. Из рук матери она выхватила тетрадь, сначала хотела разорвать ее, но передумала, прижала к груди и, преодолевая желание разрыдаться, бросила:

— Все равно буду! Вам назло буду! Сначала стюардессой, а потом парикмахером!

И убежала в свою комнату, чтобы мама не заметила подступившие слезы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КСЕНИЯ

ПРЕДЫСТОРИЯ. 2007 ГОД

Вы любите приезжать в район, где прошло ваше детство? Ксения не любила. И не только потому, что во дворе родительского дома совершенно невозможно припарковаться ни днем ни ночью. Но и потому, что каждый поворот, каждое дерево, каждая выбоинка на асфальте напоминала об унылых и безрадостных годах, проведенных в одном из серых спальных районов Москвы. Здесь, в Выхине, среди одноклассников Ксении, благополучной считалась семья, где пил только один из родителей. Большинство детей повторяли их судьбу.

С самого детства Ксения знала, что она сделает все, чтобы уехать из этого района как можно скорее и не иметь ничего общего с его жителями. Едва начав зарабатывать, Ксения сняла напололам с подружкой крошечную квартирку подальше от ненавистного Выхина. Выхино стало самым страшным ее ночным кошмаром, но вместе с тем вечным двигателем, который заставлял Ксению бежать вперед, учиться, работать с полной отдачей от зари до зари. Когда было сложно и страшно, Ксения задавала себе вопрос: «Ты снова хочешь вернуться в Выхино?», и ответ приходил мгновенно: «Нет! Все что угодно, только не это! Я буду работать где угодно, кем угодно, сколько угодно, только бы мне не пришлось жить в Выхине, только бы моим детям не пришлось ходить в школу, в которую ходила я!»

Приезжая в гости к родителям, Ксения старалась припарковаться у самого подъезда, а если это не удавалось, то бежала

КСЕНИЯ

к нему, не глядя по сторонам, чтобы не наткнуться на кого-то из старых знакомых.

— Девушка! Эй, девушка! Куда спешим? — прокричал кто-то из толпы гопников, роящихся возле темно-серого старого «Мерседеса». Лучше сделать вид, что оглохла, так безопаснее.

— Ксю!

Не повезло! Придется остановиться и поздороваться!

Гопников было четыре особи, пятая пружинящей походкой, чуть раскинув руки, направилась к ней. Кожаная куртка, спортивные штаны, кроссовки, удлиненная стрижка, непопулярная среди местных люмпенов, огромный выпуклый лоб, в книгах такие лбы обычно у гениев — расхожее заблуждение.

— Виталик, ты, что ли? Извини...

Обнялись. Виталик не сразу догадался забрать у дамы пакет.

— Какими судьбами у нас? К маме? Только не говори, что ко мне. — Он отстранился. — Ты вечером свободна? Если муж насмерть не заревнует, приходи в гости, а? Безо всякого там. — Он поднял руки, будто бы сдаваясь. — Просто посидим, старинной тряхнем. С меня коньячок.

— Я за рулем.

— Да я уж видел... Тачка шикарная! Такая ты леди стала, прям вообще. Ну что, придешь? Или не снизойдешь до старого друга?

— Не паясничай.

Виталик был одним из немногих людей «из прошлой жизни», кого Ксения была искренне рада видеть. Несмотря на всю свою простоватость и некоторую хамоватость, он был одним из лучших собеседников в ее жизни. Когда-то между ними был ни к чему не обязывающий роман, который закончился потому, что Виталик очень любил женщин. А когда немного выпивал, начинал любить всех без разбора. Судя по глазам Виталика, его предложение тряхнуть стариной имело вполне конкретное значение. «Старый конь борозды не портит», — рассудила Ксения. Сегодня ее душа требовала праздника. Собственно, почему бы и нет? Если она «заночует у мамы», муж лишь

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

пожмет плечами и скажет: «Хорошего вечера», его не особо волновало, где она и с кем — «чем бы жена ни тешилась, лишь бы не вешалась».

— Давай так, до шести вечера я поздравляю маму с Восьмым марта, а полседьмого буду у тебя.

— Здорово!

* * *

В однушке Виталика за пять лет не изменилось ничего. Переступаешь порог — и вот она, юность, смеется из того самого зеркала, присаживается на тот же диван, берет бокал. Глоток коньяка — и из-под толщи лет поднимается то самое светлое ощущение, и кажется, что и ты не изменилась, и трава зеленее, и деревья выше. Присматриваешься — но нет, диван просел, скрипят пружины, стул другой, в ванной чужой гель для душа и женская, о боже, бритва. И спаниель Кан не летит навстречу. И понимаешь, что нет, все по-прежнему, но не так, и ты существуешь будто бы в двух параллельных мирах.

После первого бокала коньяка Ксения почувствовала, как приятное тепло разливается по ее телу, доходя до самых пальцев и лица, заставляя глаза блестеть, щеки розоветь, а губы расплываться в улыбке. После второго бокала темы для разговора, опережая друг друга, заполнили собой все пространство. А потом... Случается, когда два, три человека или целая компания «ловит волну». Кто бы что ни сказал, это кажется смешным настолько, что от смеха мышцы сводит судорогой, болят щеки, и кажется, будто сотрясающиеся от хохота тела способны спровоцировать землетрясение. Если записать разговор и прослушать его потом, магия рассеется. Глупость какая, они там накурились, что ли?

— Вот признайся, об этом ты мечтала? Добиться, да? Крутая тачка, все дела. «Ожидайте, вас примет директор по персоналу Ксения Сергеевна». Кстати, какая у тебя фамилия?

— Резникова.

— Директор Ксения Сергеевна Резникова.

КСЕНИЯ

Слово «директор» Виталик говорил с придыханием, вкладывал в него все благоговение, на какое был способен, а поскольку способен не был вообще, звучало смешно.

— Еще в садике узнала, что есть такой директор по персоналу, — сыронизировала Ксения. — Это что-то между богом и президентом, очень крутой чувак. Зарабатывает две тыщи долларов и ездит на «Мерседесе». Ну и вот.

— Да, представляю. Идешь такая с косичками в садик... — Он вытянул шею и пропищал мультяшным голосом: — «Мама, я хочу быть директором по персоналу».

— Я, между прочим, стюардессой мечтала стать, а толку!

Глаза Виталика заблестели, он вскочил, хлопнул себя по лбу:

— Да ладно! Представь, ты такая, в синей пилотке. — Он убежал в комнату, загрохотал там. — Представь, идешь между рядами: «Чай, кофе, потанцуем».

Виляя задницей, он одной рукой толкал перед собой стул, второй изображал синюю пилотку, что больше походило на пелушинный гребень. От смеха его складывало пополам, он топал ногами, а Ксения вдруг словно протрезвела. Пары коньяка улетучились вместе с беззаботностью и весельем. Она смотрела на Виталика, опершись о дверной проем, и не понимала — что тут смешного?

Все глумятся над ее мечтой, а когда смеются над твоей мечтой — это всегда не смешно, скорее больно. Все равно что ковыряться в открытой ране.

Утром по дороге в офис Ксения выключила радио. В ее ушах, словно эхо, звучали слова: «Об этом ты мечтала? Директор по персоналу».

Офис, кресло, четыре стены. Машина, норковая шуба, курорты два раза в год и десятилетия, проведенные не в радость. Можно ли их оправдать деньгами? За сколько ты продала свою мечту, Ксю?

И вот тебе сорок, ты вся из себя начальница, подтянутая и холеная, выглядываешь в окно, а там в небе — самолет. И вдруг тебя осеняет, что это не просто самолет, это твои мечты улете-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ли, оставив белый тающий след. «И качнутся в шкафу бесконечные пиджаки».

«Не будет этого», — решила Ксения окончательно и бесповоротно, заруливая на VIP-парковку бизнес-центра.

* * *

Чаще всего Ксении приходилось слушать, «какая же невкусная в самолете еда, такая невкусная, будто жуешь кусок мамонта из вечной мерзлоты. Все невкусное, налейте мне еще томатный сок!»

Это потому, что небо меняет людей, в прямом и переносном смысле. Из-за пониженного давления вкусовые рецепторы становятся менее чувствительными, и только томатный сок остается прежним, мало того, он обретает странную власть над человеком. Вполне приличные и интеллигентные с виду люди требуют налить им по два стакана, а если вдруг томатный сок закончится раньше, устраивают истерику с угрозами и проклятиями. Достается всем: стюардессе, пилотам, руководству авиакомпании, российскому правительству и лично президенту за то, что допустил такую безответственность на борту самолета гражданской авиации.

На курсах бортпроводников Ксения отучилась три месяца, успешно прошла стажировку, и ей открылся новый мир во всем его разнообразии. Очень часто, воплощаясь, мечты теряют крылья, но Ксения ни разу не пожалела, что променяла офисное кресло на полеты. Хотя от коллег иногда приходилось слышать разное.

— Ой, я так устала таскать подносы, когда ж это закончится... Что за жизнь собачья...

— Да какие подносы, когда у тебя за окном небо?

Не портили настроение даже рейсы в Анталию с обязательными пьяными быдловатыми пассажирами. На этих рейсах Ксения узнала, что выпивший мужчина не так омерзителен, как визгливо быкующая баба: «Девушкааа, мы за эту путевку пятьсот долларов заплатили! Пятьсот долларов, понимаете?»

КСЕНИЯ

Это больше, чем ваша зарплата! И мы имеем право получить наш томатный сок! У нас все включено».

За год Ксения побывала в Доминикане, на Бали и Кубе, в Маниле и Рио, на Камчатке и во Владивостоке. Она искренне любила свою работу и была счастлива, несмотря на то, что сильно потеряла в деньгах. Но выход есть всегда. Сперва она выучилась на визажиста, затем на мастера эпиляции, а в свободное от полетов время принимала клиентов на дому, порой зарабатывая на этом больше, чем на основной работе. «Хочешь жить — умей вертеться», — повторяла себе Ксения, когда, придя домой после ночного рейса, переодевалась не в пижаму, а в белоснежный костюм косметолога.

Оля

ПРЕДЫСТОРИЯ

Актовый зал поликлиники гудел встревоженным ульем. Прибывшие сотрудники рассаживались, обмениваясь предположениями, почему их неожиданно собрали. В наэлектризованном воздухе витало такое напряжение, что у вошедшей в зал Оли закружилась голова, казалось, что вот-вот молния ударит в трибуну, такую старую, что место, где обычно красовался герб, занимало изображение Ленина.

Свободные места остались только в середине рядов, пробираться туда в Олином положении было сложно, и она завертела головой — вдруг есть что поближе. В самом начале зала, в третьем ряду встала Наташа, замахала рукой:

— Ольга Леонидовна! Идите к нам, я держу вам место!

Наташа очень напоминала сову: круглолицая, с носом-пуговкой и огромными глазами в обрамлении длинных изогнутых ресниц. Она только после медучилица и всего на четыре года младше Оли, но соблюдает субординацию. Здесь так принято. Сорокалетняя Лена из прививочного кабинета — и та обращается на «вы». Оля прошла к Наташе, откинула стул и устроилась с краю.

— Напоминает колонию пингвинов-альбиносов, — наклонившись, прошептала Наташа.

И правда — все в белом, вытянулись, замерли, словно завидев плавник косатки. Появилась главврач Людмила Федоровна, и волна шепота прокатилась по рядам. Неторопливо, по-

утиному переваливаясь с ноги на ногу, она понесла грузное тело к трибуне, определила себя на место. Фигурой Людмила Федоровна напоминала грушу хвостиком кверху. Очень широкую грушу. С очень маленьким хвостиком. Верх трибуны находился на уровне ее груди, и если б не выпирающие бока, можно было бы подумать, что бюст стоит на трибуне.

Народ безмолвствовал. Главврач тоже. Тут распахнулась дверь, и в актовый зал влетела старшая медсестра Альбина Михайловна.

Медсестра Наташа появилась в поликлинике на месяц позже Оли, ей было всего восемнадцать — одаренный ребенок, она раньше окончила школу; двух новеньких посадили в один кабинет, и они отлично поладили. Ребятчества своего девушка не стеснялась, напротив, выставляла его напоказ. Не прошло и недели, как самые яркие сотрудники получили намертво прилипшие прозвища. Людмилу Федоровну все стали величать бранным словом на букву Ж, старшую медсестру Наташа прозвала тетей Ахтунг. «Потому что на фашиста похожа». Уборщица с дислексией — Шурум-бурум, заведующий поликлиникой, оторванный от реальности, — Космос.

Альбина Михайловна и правда походила на фашиста — не столько бескровным лицом с ниткой рта и квадратным подбородком, сколько манерой ходить, чеканя шаг, и выкрикивать приказы. С медсестрами и санитарками она обращалась, как со скотом.

Главврач постучала ручкой по трибуне, хотя и без того было тихо.

— Здравствуйте, дорогие коллеги, — проговорила она таким тоном, словно ей очень не хотелось тут стоять и лицезреть презренных смертных. — Сразу скажу, что причина, по которой мы здесь, не радостная. Мы переживаем не самые лучшие времена, стоит вопрос о закрытии отделений гастроэнтерологии и терапии. Нам нужно отвоевать их, а поскольку средств на содержание выделено мало, я вас прошу... Очень прошу, — она обвела взглядом актовый зал, словно жнец — поле, примеряясь,